

УДК 159.9.01

**МЕЖПАРАДИГМАЛЬНЫЙ ДИАЛОГ КАК РЕСУРС УГЛУБЛЕНИЯ
ПОНИМАНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ФЕНОМЕНОЛОГИИ:
СОЦИОКУЛЬТУРНО-ИНТЕРДЕТЕРМИНИСТСКАЯ
ДИАЛОГИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА***

В.А. ЯНЧУК, доктор психологических наук, профессор, декан факультета психологии, социальной и воспитательной работы Академии последипломного образования

В статье обсуждается проблематика парадигмального многообразия. Предлагается авторское определение парадигмы. Анализируются эпистемологические основания парадигмального многообразия. Дается характеристика парадигмальных войн. В качестве механизма самоопределения в нем предлагается межпарадигмальный диалог. Представляются особенности социокультурно-интердетерминистского диалогического подхода как методологического основания межпарадигмального диалога. Дается характеристика возможностей подхода в областях теоретического доказательства и методов исследования. Показывается специфика культурного фреймирования как аналогии парадигмальному фреймированию.

Ключевые слова: культурный фрейминг; межпарадигмальный диалог; парадигма; парадигмальное многообразие; парадигмальный фрейминг; парадигмальные войны; социокультурно-интердетерминистский диалогический подход; эпистемология

**INTERPARADIGM DIALOG AS RESOURCE OF PSYCHOLOGICAL
PHENOMENOLOGY UNDERSTANDING DEEPENING;
SOCIOCULTURAL-INTERDETERMINIST DIALOGICAL PROSPECT**

V.A. YANCHUK, PhD in Psychology, Professor

In article the problematics of paradigm diversity is discussed. Author's definition of a paradigm is offered. Are analyzed the epistemological bases of paradigm diversity. The characteristic paradigm wars is given. As the self-determination mechanism in it is offered interparadigm dialogue. Features of the sociocultural-interdeterminist dialogical approach as methodological basis of the interparadigm dialogue are represented. The characteristic of possibilities of the approach in areas of the theoretical proof and research methods is given. Specificity of the cultural framing as the analogy of the paradigm framing is shown.

Keywords: cultural framing; interparadigm dialog; paradigm; paradigm diversity; paradigm framing; paradigm war; sociocultural-interdeterminist dialogical approach; epistemology

Введение. Проблема межпарадигмального диалога является предметом обсуждения психологическим сообществом уже не один десяток лет, демонстрируя широчайший спектр авторских позиций и подходов и, одновременно, крайний дефицит конструктивных предложений.

По существу, современное психологическое знание представляет, как отмечают S.C. Yanchuk и B.D. Slife, «головокружительный массив несовместимых теорий, моделей, методов, а иногда и философий» [54, с. 235–36], что мешает прогрессу и авторитетности дисциплины. Более

* Статья поступила в редакцию 3 января 2012 года.

того, они отмечают, что проблема коренится в истоках психологии и пропитана философскими основаниями, на которых покоятся те или иные традиции или парадигмы. J.R. Goertzen [28] придерживается тех же оценок, со всей определенностью заключая, что фрагментарность и парадигмальная разрозненность психологического знания является причиной его перманентного кризиса и требует нахождения путей и механизмов разрешения.

Такого рода поиски особенно актуализировались к концу XX столетия в связи с укреплением позиций постмодернистской культурно-научной традиции, провозглашающей торжество многообразия как ресурса выхода из модернистского тупика в развитии познания, подробно представленной нами в акцентированных публикациях [6, 8–11, 13]. В любом учебнике по психологии, теориям личности, возрастной и др. психологиям начали появляться конструктивные разделы, представляющие альтернативные парадигмальные подходы. В серьезных зарубежных научных периодических изданиях, таких, как, например, «Culture and Psychology», «Current Directions in Psychological Science», «Integrative Psychological and Behavioral Science», «New Ideas in Psychology», «Perspectives on Psychological Science», «Philosophical Psychology», «Theory and Psychology», и др. начали публиковаться фундаментальные статьи, анализирующие психологическую феноменологию через призму альтернативных позиций и взглядов, с акцентом на выявление оснований и путей межпарадигмального диалога (см., например, [25, 29, 32, 48, 52, 53] др.). Это обстоятельство, как и попытки поиска ответов на сакраментальные вопросы: «почему существует много психологий? и почему они не объединяются в единственно верную и всеохватывающую?», — предопределило основную цель данной статьи. Она заключается в предложении конструктивных решений, направленных на интеграцию усилий психологов, представляющих различные парадигмы, традиции и подходы, в нахождении ресурсов развития психологической науки и практики и углублении понимания психологической феноменологии.

Все основания, по которым можно занять какую-то методологическую позицию, в конечном счете, оказываются производными от мировоззренческих установок, которыми руководствуется исследователь или практик. И как бы

ни пытались различные претенденты на обоснование оснований «чистоты научного знания» аргументировать критерии «объективного знания», все они сталкиваются с многочисленными контраргументами оппонентов, стреляющих в их «ахиллесову пяту»: неизбежную авторскую субъективность, обусловленную собственными предпочтениями, индивидуальным либо коллективным опытом конкретного научного сообщества, занявшего, в силу разных причин, в том числе идеологических, политических, главенствующую позицию в конкретной области знания в данное место и время. Но меняется время, меняется и мировоззрение, в том числе и научное, что было блестяще показано Т. Куном в его анализе развития науки на примере научных революций. Научное мировоззрение меняется в том числе и революционно, радикально трансформируя казалось бы незыблемые постулаты.

Культурно-историческая подоплёка радикального изменения научного мировоззрения была рассмотрена мною в контексте эволюции культурно-научных традиций, что позволило проследить динамику мировоззренческих оснований различных традиций (синкретизм, космоцентризм, теоцентризм, антропоцентризм, модернизм, постмодернизм), нашедшую свое высшее воплощение в постмодернистском торжестве многообразия как движителя культуры и науки [5–7]. Общество становится мультикультурным, и единственным механизмом существования в нем становится диалог. Несмотря на все претензии технократизма и сциентизма на «онаучивание культуры», наука не может быть свободной от общества и быть выше общества. На современном этапе своего развития она многими нитями связана с различными сферами общественной жизни и является одним из ее институтов. В условиях мультикультурализма идеи диалогизма становятся как никогда ранее востребованными в различных областях научного знания и особенно социально-гуманитарного.

Проблема парадигмального многообразия в психологии. Основной проблемой формирования отношения к существующему парадигмальному многообразию является нахождение его причинных и методологических оснований, а также проверенной временем целесообразности. При этом сложность решения данной задачи обусловлена, во-первых, наличием разных (иногда диаметрально противоположных)

систем парадигмальных координат, а, во-вторых, самоопределением в исследовательских приоритетах: следование предписываемым нормативам научности или выход за их рамки во имя нахождения соответствия с реалиями жизни, что наиболее рельефно прослеживается в известном антагонизме между «естественнонаучным» и «гуманитарным» знанием, количественными и качественными, статистическими и клиническими методами исследования и т.п.

Определение сути проблемы предполагает инвентаризацию современного состояния психологического знания на уровне основных конституированных систем парадигмальных координат, в также четкое определение исходных понятий. Последнее тем более важно, что многие из них разнотрактуемы, а многие стали общепотребительными на бытовом уровне, потеряв при этом научное содержание. Не ставя задачу анализа существующего многообразия подходов к определению содержания понятия «парадигма», развернутая форма которого была представлена и мною в акцентированной публикации [5] и публикациях других авторов [3, 4, 14, 20, 23, 31, 37, 41, 44 и др.], предложу собственное авторское определение: «коллективно сформированное на основе конкретных метатеоретических и онтолого-эпистемологических оснований научное психологическое мировоззрение в отношении изучаемой феноменологии, признаваемое и разделяемое психологическим сообществом на протяжении относительно продолжительного временного периода, включающее согласованный ряд основоположений в отношении описания и объяснения изучаемой феноменологии, способы и критерии доказательства научности полученного знания, его верификации, методов и процедур исследования» [7, с.71].

В данном определении акцентируется внимание на том, что любая парадигма устанавливается определенным профессиональным сообществом в определенное время и в условиях определенного состояния науки и культуры, отражая их своеобразие. Как подчеркивает R. Donnoyer, «парадигма представляет ряд основоположений и ориентаций восприятия, разделяемых членами исследовательского сообщества. Парадигмы детерминируют то, как члены исследовательского сообщества рассматривает как изучаемые ими феномены, так и методы, которые должны использоваться при изучении этих феноменов» [24, с. 591]. Но это не только

методы исследования, но и мировоззрение, основывающееся на определенных онтолого-эпистемологических принципах, это определенные способы доказательства и критерии доказательности, наконец, это привязка к определенному историко-культурному контексту с его метафорами и интерпретациями.

Не останавливаясь на детальной характеристике существующего многообразия систем мета- и парадигмальных координат, конституированных в современном социальном, в том числе и психологическом, знании, и критериев их выделения, представленной нами в акцентированной монографии [5], отметим, что принятое сегодня выделение двух антагонистических систем метапарадигмальных координат: позитивистской и социально-конструктивистской, – в общепринятой форме было предложено Y. Lincoln и E. Guba [37]. Со временем они дополнили их третьей, обозначенной как парадигма критической теории и характеризующейся как разновидность метапарадигмы, т.к. она включает (но не ограничивается) ряд других парадигм: неомарксистскую, феминистскую, партиципативную (participatory), постструктуралистскую и постмодернистскую.

Доминирующая в науке позитивистская парадигма исходит из принципиальной возможности получения объективного знания об окружающей реальности, обеспечиваемого процедурами операционализации и верификации. Иными словами, данные и их анализ являются свободными от ценностей и субъективности исследователя. В самом широком понимании позитивизм исходно отрицает метафизику, утверждая, что задачей науки является просто непредвзятое описание фактов, прикосновение к тому, что мы наблюдаем и измеряем. Таким образом, позитивисты дистанцируются от личностного фактора и влияния его на изучение мира, в то время как представители других метапарадигм признают возможность взаимодействия внешнего мира с внутренним миром познающего субъекта и необходимость рассмотрения этого взаимодействия для лучшего понимания и выявления существенных свойств и характеристик изучаемых явлений.

Позитивизм определялся многообразными способами на протяжении ряда лет. L. Kolakowski [35], например, считает, что позитивизм основывается на четырех ключевых доктринах: (1) правиле феноменализма, утверждающего

существование только опыта при отрицании любых абстракций типа «материи» и «духа»; (2) правиле номинализма, в соответствии с которым слова, обобщения, абстракции и т.п. являются всего лишь лингвистическими феноменами и не дают новых инсайтов в отношении мира; (3) отделении фактов от ценностей; и (4) единстве научного метода. G. Burrell и G. Morgan [18], определяя его как эпистемологию, «которая осуществляет поиск объяснений и предсказаний происходящего в социальном мире посредством нахождения повторяемостей и причинных отношений между составляющими его элементами».

В соответствии с позитивистской эпистемологией, научное познание рассматривается как получение истинного знания, понимания мира с целью выявления оснований его предсказуемости и контролируемости. Мир и универсум в таком понимании являются детерминированными, управляемыми причинно-следственными законами, которые могут быть выявлены посредством научных методов. Выведение нового знания осуществляется дедуктивно, являя своим продуктом проверяемые теории. Позитивисты уверены в верности эмпиризма, придерживаясь идеи о центральности наблюдения и измерения как фундаментального основания научного исследования. Ключевым методом является научный эксперимент, направленный на установление естественных законов природы посредством наблюдения и манипулирования переменными. Именно позитивистская методология лежит в основании классической экспериментальной психологии, собственно и придавшей психологическому знанию статус научного благодаря усилиям бихевиористов. Во многом экспериментальной психологической наука остается и сегодня, свидетельством чему являются доминирующие в научных журналах публикации эмпирицистского толка. Проблема заключается в том, что критериями объективности и научности в позитивизме являются измеримость и воспроизводимость научных результатов, конституированная в принципах операционализации и верификации. Как раз с ними-то у психологической науки и возникают фундаментальные проблемы. Первое, психика (внутренняя реальность, активность и т.п.) как основополагающий конструкт не подлежит непосредственному наблюдению и тем более измерению. Следовательно, психологические

измерения, в отличие от классических естественных, носят опосредованный характер, требующий специальных усилий для снятия исследовательской субъективности, в принципе недостижимой в силу бесконечности влияющих переменных. Второе, процедуры верификации, предполагающие пространственно-временную бесконечность, также практически неприменимы к психологической феноменологии. Попытка решения этой задачи математическими методами не является исчерпывающей, т.к. в дальнейшем исследователь оперирует математическими константами, оторванными от их субъекта и упрощающими процессы, реализующиеся в его внутренней активности. Впрочем, эта проблема в психологии либо умалчивается, либо не осознается вовсе.

Наиболее очевидное отличие между «конвенциональной» позитивистской системой представлений и «натуралистической» или конструктивистской системой в эпистемологическом аспекте заключается в том, что первое является по существу объективистским, признающим принципиальную возможность экстерииоризации исследуемой реальности без прикосновения к ней и вовлечения в нее. С другой стороны, принципиальная позиция натуралистов заключается в том, что эпистемологически исследователь и исследуемое взаимосвязаны друг с другом таким образом, что результаты исследования по существу являются следствием самого процесса их взаимодействия. Конструктивисты, таким образом, занимают позицию созидания знания в процессе взаимодействия познающего и познаваемого.

Попытку нахождения своеобразного межпарадигмального компромисса представляет реализм — философская традиция, содержащая элементы как позитивизма, так и конструктивизма. Y. Lincoln с коллегами обозначают эту традицию как критический реализм или постпозитивизм [21, 30], другие авторы — как неопозитивизм [38]. В то время как позитивизм утверждает существование единственной, конкретной реальности, а интерпретативизм — множественные реальности, реализм провозглашает множественные восприятия единственной, независимой от мышления реальности. Понятие реальности, используемое реализмом, выходит за рамки самости или сознания, но не является полностью раскрываемым или познаваемым. Вместе с тем независимой от ценностей реальности, как

в позитивизме, или обусловленной ценностями, как в интерпретативизме [37], реализм вместо зависимости познания от ценностей признает зависимость от них человеческих систем и исследователей. Реализм признает некоторую пластичность восприятия [19] и существование различий между самой реальностью и ее восприятием людьми. Критический реалист согласен с тем, что наше знание реальности является следствием социальной обусловленности и не может быть познано независимо от социальных акторов, вовлеченных в процесс выведения знания. Критические реалисты утверждают, что реальные объекты являются субъектами направляемых ценностями наблюдений, оперирующих в двух отличающихся измерениях: одно интранзитивное и относительно устойчивое, второе – транзитивное и изменчивое.

Целью реалистов является открытие наблюдаемых и ненаблюдаемых структур и механизмов независимо от событий, которые их генерируют. Другими словами, исследователи, работающие в реалистской перспективе, наблюдают за эмпирическими основаниями открытий, «соединяя теоретические размышления и экспериментирование» [43, с. 332] в познании реального мира, обозначая и описывая генеративные механизмы, оперирующие в мире, и результаты

событий, подлежащих наблюдению. Следует отметить, что попытка интеграции теоретического мышления и эмпирицизма, при внешней привлекательности, игнорирует тот факт, что «(а) значение эмпирических данных формируется априорным языком, который исследователь использует, фреймируя свои исследовательские вопросы и сами исследования; (б) что различные исследователи часто фреймируют свои работы различным образом; и (в) что эти различные фреймы могут отражать крайне отличающиеся и иногда противоречащие цели» [24, с. 593].

Эпистемологические основания парадигмального многообразия. Корректное сравнение систем парадигмальных координат необходимо проводить с учетом существующего сегодня многообразия трактовок содержания понятия «парадигма». Сегодня понятие «парадигма» рассматривается и как мировоззрение, и как эпистемологическая позиция, и как разделяемые представления в исследовательской области, и, наконец, как модели. Следует отметить, что в последние годы понятие приобрело и общепопулярное употребление, часто используясь в политике, журналистике, риторике и т.п. Общая характеристика роли различных общесмысловых пониманий парадигм приводится в таблице 1 (приводится по [41, с. 51]).

Таблица 1 – Четыре версии парадигм

	Парадигмы как мировоззрения	Парадигмы как эпистемологические позиции	Парадигмы как разделяемые представления в исследовательской области	Парадигмы как примеры моделей
Определяющие характеристики	Всеохватывающие перспективы мира	Онтология, эпистемология и методология философии знания	Разделяемые представления о природе вопросов и ответах на них в исследовательской области	Полагается на специфические экзemplы или типичные решения проблем
Место в работах Куна	Имплицитное	Прямо обсуждаемое, но не поддерживаемое	Прямо обсуждаемое и поддерживаемое	Прямо обсуждаемое и поддерживаемое
Место в развитии социальных наук	Общее как нетехническое использование	Доминирующая сегодня версия	Относительно необщая	В большей части отсутствующая
Преимущества	Признает роль личного опыта и культуры в научном познании	Полагается на хорошо известные элементы философии знания	Может быть изучена путем проверки работ наиболее авторитетных авторов	Крайне эксплицитные и конкретные
Ограничения	Крайняя широта, слабое отношение к изучаемому	Широкий подход к познанию, менее очевидная связь с изучаемым	Обычно описывает результаты небольших групп исследователей, а не целостную дисциплину	Очень узкое, ограниченное применение
Место в комбинировании методов	Слабое эксплицитное использование	Основополагающее влияние	Небольшое влияние	Небольшое эксплицитное использование

Как видно из приводимой таблицы, наиболее значимым в обсуждаемом контексте является рассмотрение парадигмы как эпистемологической позиции. Эпистемология представляет собой раздел философии, в котором анализируется природа и возможности знания, его границы и условия достоверности [1]. Значимость эпистемологических оснований заключается в том, что именно они определяют основания прихождения познающего к знанию того, на чем именно основываются его выводы об обладании знанием. В психологии этот вопрос часто остается за скобками, а зря. Потому что без серьезного обсуждения таких вопросов, как: что есть истина? что есть реальность? что есть знание и познание? и т.п., — движение к получению точного знания становится неосмысленным и стихийным. Например, психологу часто невдомек, что существует по крайней мере несколько концепций истины [см., например, 7, с. 55–56, 27, 49], каждая из которых не является исчерпывающей, но определяющей критерии истинности получаемого знания, которые, в свою очередь, лежат в основании исследовательской методологии. В частности, именно выбор определенной концепции истины определяет концепцию валидности результатов исследования.

Сегодня на смену классической эпистемологии приходит эпистемология неклассическая, по всем основным параметрам отличающаяся от своей предшественницы и характеризующаяся такими особенностями, как посткритицизм, отказ от фундаментализма, от субъектоцентризма и наукоцентризма [1]. Изменение проблематики и методов работы в этой области связано с новым пониманием познания и знания, а также отношения эпистемологии к другим наукам о человеке и культуре. Это новое понимание, в свою очередь, обусловлено сдвигами в современной культуре в целом.

Критерии соотнесения парадигмальных координат. Анализ эпистемологических различий предполагает, во-первых, их выявление, а, во-вторых, создание соответствующего аналитического инструментария. Решение этих задач послужило основанием разработки авторской концептуально-критериальной оценочно-сравнительной матрицы соотнесения парадигмальных координат [7, с. 94]. В основание концептуально-критериальной оценочно-сравнительной матрицы соотнесения систем парадигмальных координат были заложены следующие принципы:

- онтолого-эпистемологической значимости, предполагающий включение наиболее фундаментальных для метатеоретических построений вопросов, определяющих мировоззрение исследователя;
- конституированности в научном психологическом сообществе, предполагающий фиксацию основоположений, методологии и метода исследования в психологической научной литературе;
- иерархичности, предполагающий иерархизацию концептуально-критериальных оценочных измерений от высшего к низшему и от общего к частному;
- сравнительного альтернативизма, предполагающий наличие альтернативных подходов и решений в форме оценочно-сравнительных дихотомий.

Проведенный теоретический анализ позволил выделить следующие оценочно-сравнительные критерии: объективность — субъективность; детерминизм — индетерминизм; мужское — женское; прошлое — будущее; наследственность — изменчивость; гомеостаз — гетеростаз; статичность — динамичность; активность — реактивность; атомизм — холизм; познаваемость — непознаваемость; рационализм — иррационализм; идиографическое — номотетическое; интраличностное — интерличностное; биологическое — символическое (рефлексивное); количественное — качественное [5]. Данные критерии по сути представляют онтолого-эпистемологические оппозиции, в принципе не сводимые к какому-либо универсальному единству. Именно избрание тех или иных оппозиций и определяет в конечном счете специфику той или иной системы парадигмальных координат, фокусирующихся на конкретных эпистемологических аспектах изучаемой реальности.

Посредством предложенной матрицы были проанализированы наиболее разработанные в психологической литературе метапарадигмы и парадигмы. В качестве основных метапарадигм к анализу были привлечены позитивистская, критическая, социально-конструктивистская метапарадигмы, охватывающие весь спектр возможных решений проблемных вопросов исследования психологической феноменологии социального бытия личности и ее окружения. В качестве объекта анализа выступили фундаментальные работы отечественных и зарубежных исследователей, посвященные анализу

метатеоретических оснований психологического знания. В результате анализа определены основные особенности данных метапарадигмальных систем координат, представленные в таблице 2.

К анализу парадигмальных координат, или в терминологии Куна, дисциплинарных матриц, были привлечены биологическая, бихевиористская, гуманистическая, деятельностьная, диалогическая,

интеракционистская, когнитивистская, нейронаучная, психодинамическая, социально-когнитивно-наученческая, феминистская, экзистенциально-феноменологическая парадигмы.

Рассмотрение выделенных систем парадигмальных координат проводилось при посредстве концептуально-критериальной оценочно-сравнительной матрицы их соотношения в таблице 2.

Таблица 2 – Концептуально-критериальная оценочно-сравнительная матрица соотношения парадигмальных координат

Элемент дихотомии	Доминирующий	Смешанный	Доминирующий	Элемент дихотомии
Объективность	БП; ДП; КП; ННП; ПМ; КП; БиП	ГП; ИП; ПП;	ГуП; ДиП; СКМ; ФП; ЭФП;	Субъективность
Детерминизм	БП; ДП; КП; ННП; ПМ; БиП;	КМ; ГП;	ГуП; ДиП; СКМ; ФП; ЭФП;	Индетерминизм
Мужское	БП; ДП; КП; ННП; ПМ;	КМ; ИМ; БиП; ГуП;	ФП	Женское
Прошлое	ПП;	БП; БиП; ДП; ДиП; ННП; ПМ;	КП; ГуП;	Будущее
Наследственность	БиП; ДП; КП; ННП; ПМ;	КМП; ИП	БП; ГуП; ИП; СКМ; ЭФП;	Изменчивость
Гомеостаз	БиП; КП	БП; ДП; ИП; КИП; КП; ННП; ПМ; СКМ; ЭФП;	ГуП; ДиП; СКП	Гетеростаз
Статичность	БП; ПМ;	БиП	ДП; ДиП; ГуП; КП; ННП; СКМ; ЭФП;	Динамичность
Реактивность	БП; ПМ;	КМ; ИМ;	ДП; ДиП; КП; СКМ; ФП; ЭФП;	Активность
Атомизм	БП; ДП; КП; ННП; ПМ;	ДП; ГуП; КМП	ДиП; ИП; СКМ; ЭФП;	Холизм
Познаваемость	БиП; ДП; ГуП; КМ; КП; ННП; ПМ; ПП;	ДиП; КМП	ПП;	Непознаваемость
Рационализм	БП; БиП; ДП; ГуП; ПМ; КП;		ПП;	Иррационализм
Номотетическое	БП; БиП; ДП; КП; ННП; ПМ;	ИП;	ДиП; ГуП; ПП; СКМ; ЭФП;	Идиографическое
Интраличностное	БП; БиП; ДП; КП; ННП; ПМ;	ГуП;	ДиП; ИП; СКМ; ФП; ЭФП;	Интерличностное
Биологическое	БиП; ДП; КП; ННП; ПМ;	КМП; ИМ; ГуП;	ДиП; ИП; СКМ; ЭФП;	Символическое
Количественное	БП; БиП; ДП; КП; ННП; ПМ;	ИП; КМП	ГуП; ДиП; СКМ; ЭФП;	Качественное

Условные обозначения:

ПМ – Позитивистская метапарадигма

КМП – Критическая метапарадигма

СКМ – Социально-конструктивистская метапарадигма

БиП – Биологическая парадигма

БП – Бихевиористская парадигма

ГуП – Гуманистическая парадигма

ДП – Деятельностная парадигма

ДиП – Диалогическая парадигма

ИП – Интеракционистская парадигма

КП – Когнитивистская парадигма

ННП – Нейронаучная парадигма

ПП – Психодинамическая парадигма

ФП – Феминистская парадигма

ЭФП – Экзистенциально-феноменологическая парадигма

Представленный в таблице 2 обзор онтолого-эпистемологических приоритетов различных систем парадигмальных координат свидетельствует о широчайшем спектре альтернативных подходов, определяющих своеобразие мировосприятия исследователей, работающих в той или

иной психологической традиции. Результаты анализа показывают, что в каждой традиции имеют место как пересечения ее по тем или иным онтолого-эпистемологическим оппозициям с другими традициями, так и существенные расхождения. В них тоже есть несомненный

позитивный потенциал, так как смещение акцентов в ту или иную сторону в различных их комбинациях позволяет, во-первых, схватывать новые грани исследуемого феномена; во-вторых, привлекать дополнительные ресурсы альтернативных методов; в-третьих, преодолевать жесткую заданность схем; в-четвертых, создавать предпосылки для новых исследовательских инсайтов.

В то же время показано, что каждая из них обладает своим специфическим видением и интерпретацией различных аспектов психологической феноменологии, позволяющими схватить те грани и особенности, которые не схватываемы с позиций других парадигмальных координат. Межпарадигмальный же диалог создает условия для взаимообогащения и взаиморазвития, в частности, предоставляя основания для размышлений и попыток изучения в собственных рамках достижений друг друга, тем самым выступая в качестве вечного движителя прогресса психологического познания.

Иллюстрацию продуктивности межпарадигмального диалога для углубления понимания психологической феноменологии представляют рассуждения об издержках монопарадигмальности в контексте экспериментальной парадигмы Т. Meiser [40]. Данная иллюстрация представляет особый интерес в силу доминирования данной парадигмы в психологической периодике, не сопровождающегося критической рефлексией. Результатом же является «утопание в море» частных фактов и закономерностей, не приводящих к углублению понимания сути изучаемых феноменов. Такое обилие частных фактов приводит, во-первых, к дезориентации исследователя в силу невозможности их интеграции в рамках теории более высокого уровня абстракции, во-вторых, задает своеобразный монопарадигмальный фрейм, приводящий к невозможности инсайтирования, наконец, в-третьих, начинает негативно сказываться на развитии области знания в целом. Автор формулирует ряд крайне важных выводов в отношении особенностей и потенциальных издержек реализации монопарадигмального подхода и полезности межпарадигмального диалога: «Первое, экспериментальная парадигма выполняет важную эвристическую функцию расширения области действия изучаемого феномена и предложения теоретических моделей в психологии как относительно новой области научных исследований. Второе, фокусирование на экспериментальной

парадигме содержит риск концентрации на наблюдаемых эффектах, задаваемых спецификой конкретной парадигмы, искажая изучаемые эффекты аспектами, задаваемыми избранной теорией, и приводя к недооценке результатов, полученных в других парадигмах. Третье, если исследование узко фокусировано на эмпирических эффектах в рамках конкретной парадигмы, то и теоретические объяснения будут носить парадигмально заданный характер» [40, с. 184].

Парадигмальные войны. Существование описанных мета- и парадигм отнюдь не являлось мирным. По оценке Denzin [22, с. 421–422], начиная с 1980-х было отмечено не менее трех войн: постпозитивисты против позитивизма (1970–1990); война между конкурирующими постпозитивистами, конструктивистами и представителями критической парадигмы (1990–2005) и современная война между представителями методологии, основанной на очевидности (evidence-based methodologist), и школами смешанных методов, интерпретативистов, и критической теории (с 2005 г. по настоящее время). Критические атаки направлялись, прежде всего, на парадигмальные основоположения. Каждая война была ориентирована на критику парадигмальных основоположений, определяющих взаимоотношения между парадигмами, вопросы методологии, эпистемологии и этики. Эта конфронтация может быть охарактеризована диалектикой соотношения «инь» и «янь», слияния бинарностей, противопоставления двух сторон одной медали, парадигм и методов. Позиция первой стороны: парадигмальный дискурс определяет методологию. Позиция второй стороны – методологические модели определяют парадигмальный дискурс. Между двумя этими крайностями находится исключенное третье – пространство политики и морального дискурса.

В своем анализе парадигмальных войн N. Denzin опирается на результаты специального исследования С. Teddlie и А. Tashakkori [51]. Представляя первую парадигмальную войну, авторы расширяют временные рамки за 1980-е годы на период «золотого времени» позитивизма (1950-1970), показывая роль смешанных методологий, объединяющих возможности количественных и качественных методов в развенчании его универсальных возможностей и возникновении постпозитивизма. Полномасштабный конфликт разворачивается в период 1970-90-х годов, сопровождаясь уничтожающей

критикой экспериментализма [34], и завершившись резким ростом популярности конструктивизма и постпозитивизма. В наиболее радикальных формах этот период назывался «концом эры позитивизма».

Вторая парадигмальная война была более революционной и расширяющей возможности научного познания. Она обогатила развитие научного знания новыми «измами»: конструктивизм, натурализм, интерпретативизм, различные версии критической теории, теория критических рас, феминизм, постструктурализм и др. (см., [36, с. 64-65]). Каждый из перечисленных подходов бурно развивался, доказывая свое преимущество над другими парадигмальными координатами, декларируя «парадигмальную чистоту собственной позиции» [51, с. 7]. Воскрешая тезисы о несоизмеримости и несводимости альтернативных парадигмальных координат времен первой парадигмальной войны, акцентируется внимание на принципиальной невозможности преодоления различий в их основоположениях. На методологическом фронте тезис о несовместимости начал преодолеваются представителями триангуляционного подхода, обосновывающего принципиальную возможность и продуктивность комбинирования разнокачественных методов к изучению одних и тех же феноменов [51, с. 7].

В основании третьей парадигмальной войны лежит тезис прагматизма о совместимости, приобретший популярность начиная с 1990-х годов [33]. В среде приверженцев прагматизма начало расширяться совместное использование количественных и качественных методов [51, с. 7]. В качестве аргумента использовался основополагающий принцип прагматизма: «то, что работает и приносит результаты». Конечно, это тезис казался достаточно убедительным, одновременно вновь поднимая вопрос об объективности. Фактически тут можно говорить двух версиях «третьего методологического движения» (там же) — версии расширения парадигмальных координат, заякоренной в критической интерпретативной парадигме. Она включает инкорпорацию существующего многообразия точек зрения, эпистемологических оснований и стремления к прогрессу в развитии знания и отказу от норм объективности [23, 36, 42]. Это стремление к инкорпорации точек зрения, основывающихся на различных эпистемологических основаниях, ставит ряд вопросов методологического свойства:

1) почему различия в эпистемологических основаниях определяют различия парадигмальные; 2) каковы эти отличия и в чем их специфика; 3) каковы условия и механизмы интеграции различающихся в своих эпистемологических основаниях систем парадигмальных координат. Одно из возможных методологических оснований нахождения ответов на поставленные вопросы представляет социокультурно-интердетерминистский диалогический подход к анализу психологической феноменологии, разрабатываемый автором на протяжении последних лет [5–13].

Социокультурно-интердетерминистская диалогическая перспектива межпарадигмального диалога. Прежде всего, межпарадигмальный диалог предполагает формирование своего предмета. Общим объектом для всех систем психологических парадигмальных координат является человек в его взаимодействии с социальным и природным окружением, а именно взаимосвязь внутреннего мира, недоступного непосредственному наблюдению и измерению, с его внешними проявлениями, актуализирующимися в поведении, активности и т.п. Исходно оформившись как учение о душе (псюхе), психология в последующем трансформировалась в науку о поведении, психике и т.п. Общим для данных конструктов является внутренний мир человека, проявления коего крайне многообразны и разнокачественны. Человек живет в мире, переживает его, определенным образом действует, осмысливает, принимает решения. На все это действует многообразие факторов: природная и социальная среда, история жизни и многое другое. Что-то из причинных оснований происходящего с ним и окружающими осознается человеком, а что-то нет. В любом случае эта внутренняя подоплека внешне наблюдаемого поведения остается таинством, недоступным объективному измерению как для субъекта, так и наблюдателя, что, в совокупности, и создает основания для множественной интерпретации, предполагающей выстраивание различных предположений и их последующей проверки на практике, приводящей либо к подтверждению гипотез, либо к решению конкретных проблем.

Следовательно, для создания основания межпарадигмального диалога необходима разработка определения предмета психологии, объединяющего различные ракурсы изучения человека,

представленные в существующем поле парадигмальных координат. Вариант решения данной проблемы представляет авторское определение предмета психологического знания как «бытия-в-мире самости как био-психо-социальной социокультурно-интердетерминированной диалогической сущности во взаимодействии с социальным и природным окружением в осознаваемо-неосознаваемо-экзистенциальном измерении» [8, с. 204]. Категория «бытие-в-мире» акцентирует внимание на экзистенциальном аспекте бытия человека, подчеркивающего «вотканность» человека в свою жизнь, переживание ее. Категория «самость» концентрируется на аспекте взаимосвязи внутреннего и внешнего, проявляющегося во взаимосвязи человека с его внешним окружением, историей и т.п. Трехмерный био-психо-социальный континуум фокусируется на сложности взаимодействия трех разнокачественных природ – биологической, психической и социальной. Социокультурный интердетерминизм, основанный на идеях реципрокного детерминизма А. Бандуры [15, 16], подчеркивает аспект взаимодетерминации личности, активности и ее ситуативного контекста, проявляющейся в том, что любое изменение в одном из них приводит к изменению в двух других. Наконец, психологическая феноменология исторически анализируется в измерениях осознаваемого, неосознаваемого и экзистенциального.

Обозначенное многоаспектное содержание предмета психологии, с моей точки зрения, и должно задавать рамки психологического изучения, объяснения и понимания, предполагающего нахождение согласований, предоставляющих относительную определенность (упорядоченность) в само- и мироотношении. Такого рода качественная разноприродность требует и особого типа объяснения психологической феноменологии, предполагающего, *во-первых*, исходную толерантность, плюралистичность и рефлексивность сознания исследователя; *во-вторых*, процессуальность; *в-третьих*, социокультурную интердетерминированность и конструируемость; *в-четвертых*, сосуществование качественно разнородных природ; *в-пятых*, экзистенциальную бытийность; наконец, *в-шестых*, механизмов особого типа интеграции как разнокачественных природ, так и знаний, накопленных в альтернативных традициях и подходах.

Решение такого рода задачи предполагает наличие и иного типа логики – диалогической,

выдвигающей в качестве альтернативы классическому «или / или» диалогическое «и / и», при котором альтернативные подходы начинают рассматриваться не как взаимоисключающие, а как взаимодополняющие. Целью же развития научного знания становится выработка путей и средств налаживания продуктивного межпарадигмального и междисциплинарного диалога, направленного на взаимообогащение и взаиморазвитие в области углубления понимания психологической феноменологии.

Реализация диалогической логики «и / и» требует разработки принципиально нового методологического подхода, позволяющего создать основания для подлинного диалога, по своей сути исходно предполагающего взаимное принятие и выработку совместных решений консенсуального типа. Авторская попытка решения этой задачи представлена в рамках интегративно-эклетиического подхода к анализу психологической феноменологии в условиях существующего многообразия традиций [5, 6]. В его рамках обосновывается необходимость постижения природы психологической феноменологии через сопровождаемую критической рефлексией интегративную эклектизацию различных традиций, подходов, логик и инструментов, при сохранении их автономии в последующем развитии.

Суть подхода заключается в многоплоскостном, полилинейном, разновекторном анализе, создающем возможность качественно иного «инсайтирования», предполагающего включение в плоскость рассмотрения различных аспектов множественности, диалогичности, диатропичности изучаемого феномена. Способность встать на позицию оппонента, включение в конкуренцию идей, критическая рефлексия, критическое позиционирование предоставляют возможность острого анализа, превращающегося в еще один «вечный двигатель» прогресса знания. Речь идет не об интеграции, неизбежно порождающей тенденцию к монополизированию истины со всеми вытекающими последствиями, а именно о свободном оперировании разноплоскостным, разновекторным знанием, связанным с наиболее продуктивно работающими в проблемной области традициями и их инструментарием.

Методологический фундамент интегративной эклектики составляют понятия поливариантности истины, онтологического плюрализма, диалогии и диатропики. Интегративная

эkleктика предполагает привлечение к анализу находок и достижений тех традиций, тех подходов, которые наиболее продуктивно работают в конкретной феноменальной области с последующей возможностью диффузии инсайтов и идей, их критической рефлексии через альтернативное позиционирование, способствующее преодолению парадигмальной и авторской предубежденности, и на этой основе — продвижения к более глубокому постижению исследуемого феномена, переходу на более высокий уровень обобщения за счет рассмотрения теоретических построений разных порядков сложности.

Развитие интегративно-эkleктического подхода нашло свое выражение в социокультурно-интердетерминистском диалогическом дополнении, предлагающем ряд условий углубления понимания психологической феноменологии:

- плюралистичность и толерантность по своей сути, реализующиеся в исходном осознанном принятии факта возможности и полезности существования альтернативных объяснений природы анализируемых феноменов;
- согласованность исходных онтолого-эпистемологических оснований, определяющих отношение к наиболее фундаментальным вопросам, связанным с познаваемостью изучаемой и объясняемой реальности, сопровождаемой констатацией совпадения и рассогласования позиций;
- социокультурная интердетерминированность, выражающаяся в признании взаимовлияния и взаимообусловленности всех факторов, присутствующих в процессе функционирования изучаемого феномена;
- диалогичность, проявляющаяся в способности созидания совместного знания с учетом индивидуальных и культуральных различий, основанной на логике взаимообогащения и взаиморазвития.

Существует единственный способ избегания парадигмально специфического фокусирования в психологическом теоретизировании — поиск более интегративных описаний эмпирического феномена в других парадигмах (см. [45]). Узкая концентрация на одной парадигме в теоретическом анализе и исследовании может нанести весьма существенный ущерб развитию науки. Предсказательные и объяснительные возможности теории должны расширяться посредством обращения к возможностям других исследовательских парадигм, т.к. проверка теоретических предположений в других системах

парадигмальных координат позволяет найти дополнительные основания для подтверждения верности полученных результатов и продемонстрировать универсальность и внешнюю валидность предлагаемой теории [40, с. 183–184]. Во многом резонирующие с описанными выше, условия межпарадигмального диалога предлагает Р. Nealy: 1) интегративная открытость; 2) равноправное партнерство; 3) взаимопонимание и потенциальная трансформирующая обучаемость; 4) критическая интерсубъективность и ответственность [32, с. 275–278]. Sternberg и Grigorenko [50, с. 1072] призывают к разработке всеохватывающих совместных подходов к изучению общих психологических феноменов на основаниях, «порождающих инсайты, недоступные с позиции какой-либо единственной методологии» как единственно возможный путь диалогического предложения, делая вывод о необходимости совместных исследований, проводимых на предложенных основаниях.

Реализация социокультурно-интердетерминистского диалогического подхода в методологическом аспекте предполагает прояснение ряда связанных проблемных областей: теоретического доказательства и метода исследования. Становится очевидной ограниченность эксплицитно структурированного доказательства (основывающегося на необходимости эмпирического подтверждения любого элемента теории) и необходимость повышения роли имплицитно структурированного доказательства (основывающегося на меньшей зависимости от эмпирического подтверждения и акцентировании на логической последовательности и непротиворечивости, убедительности и принятия заинтересованным и квалифицированным читателем) [5, 12, 17, 25, 26, 39].

В области метода исследования осуществляется поиск оптимального сочетания возможностей количественных и качественных методов. Примером чего является методологическая триангуляция и ее авторская модификация интегративной эkleктики путем триангуляции [5, с. 321–331]. Реализуя идеи диалога по отношению к методам исследования, предлагаются диалогические методологии, завоевывающие все большую популярность в последние годы. Примером чему является альтернативный демократический подход, предложенный К.Р. Howe и обозначенный им как интерпретативизм смешанных методов [33]. Данный подход изменяет роль

количественных методов исследования, придавая им вспомогательную роль. Интерпретативизм смешанных методов провозглашает понимание личности в ее собственных понятиях. Он вовлекает заинтересованные стороны посредством принципов включения и диалога. Принцип включения представляет демократическое измерение, обеспечение, насколько это возможно, слышания всех участвующих голосов. Принцип диалога устанавливает необходимость вовлечения всех заинтересованных сторон и предоставление им возможности обсуждения того, почему что-то происходит и что должно происходить. Совместный критический диалог предполагает привнесение экспертного знания в рассмотрение ситуации и посредством этого достижение возможности выхода за пределы данного за счет объединения профессиональных возможностей исследователя и доступа к реальности информанта.

Практическая реализация совместного критического диалога неизбежно сталкивается с проблемой культурного и парадигмального многообразия в целом и задаваемого ими фреймирования в частности. Исследователи разных культурных традиций, парадигмальных предпочтений школ и традиций обречены на разнотрактование изучаемых феноменов, обусловленное различиями в эпистемологических основаниях, теоретических метафорах и способах доказательства, понятийного аппарата, методов исследования и т.п. все это предопределяет необходимость нахождения приемлемых методологических оснований межпарадигмального диалога, одно из которых предлагает уже представлявшийся выше авторский социокультурно-интердетерминистский диалогический подход к анализу психологической феноменологии. Наглядным примером продуктивных возможностей реализации подхода является проводимое нами изучение проблематики культурного многообразия в контексте культурного фрейминга [2, 12, 46, 47]. Выявленные особенности во многом аналогичны обсуждавшемуся выше самоопределению в парадигмальном многообразии. Парадигмальные координаты и являют собой своеобразные культурные фреймы, обуславливающие различия в интерпретации психологической феноменологии. Эти различия, основанные на альтернативных онтолого-эпистемологических основаниях, предоставляют возможность изучения психологической феноменологии

в разных ракурсах видения и объяснения, создавая условия для расширения горизонтов и углубления понимания.

Заключение. Резюмируя изложенное, следует подчеркнуть, что парадигмы представляют собой нечто большее, чем эпистемологические, онтологические и аксиологические основоположения. Они являются продуктами «напряжений и конфликтов, простирающихся за пределы универсума на состояния бюрократии, групп давления, больших корпораций и групп» [42, с. 123]. Они представляют нечто большее, чем «несоизмеримые и отграниченные позиции ... они конституированы отношениями ... и распространяются или изменяются не только тогда, когда авторы изменяют идеи, но и когда объединяющие оппонентов ... ситуации и события ... меняются» (там же, с. 123). В этом глубочайшем по смыслу пассаже подчеркивается крайне важная мысль о парадигмальной заданности или фреймированности сознаний представителей различных традиций, школ и подходов, выражающейся в специфической интерпретации изучаемой феноменологии, зашоренности к альтернативным видениям и объяснениям в силу, как это ни парадоксально, своей человечности. Можно обладать сверхзнанием, рефлексировать, абстрагироваться, но нельзя вырваться из рамок своей бытийности, истории, предпочтений и антипатий ... Людям свойственно верить в единственную правду жизни, и люди часто теряются при столкновении с правдами разными. Но людям свойственна и способность договариваться, убеждать и переубеждаться. Переубедиться можно, лишь приняв и признав другого и услышав его голос. Сделав это, мы обогащаемся опытом и мыслями другого, расширяя собственные горизонты видения, а наилучшим средством для этого выступает диалог.

Завершая обсуждение проблематики межпарадигмального диалога, приведу высказывание одного из крупнейших специалистов в области методологии исследования Нормана Денцина: «Мы нуждаемся в моральном и методологическом сообществе, утверждающем и способствующем парадигмальному и методологическому многообразию» [22].

ЛИТЕРАТУРА

1. Касавин И.Т. Эпистемология / Энциклопедия эпистемологии и философии науки. — М.: «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2009.

2. Мазилев В.А., Янчук В.А. Культурный фрейминг россиян и белорусов: постановка проблемы // Социальный психолог. – 2011. – Вып. 1(21). – С. 71–80
3. Юревич А.В. Методологический либерализм в психологии // Вопросы психологии. – 2001. – № 5, С. 5–18.
4. Юревич А.В. Перспективы парадигмального синтеза // Вопросы психологии. 2008. – № 1. – С. 3–15.
5. Янчук В.А. Методология, теория и метод в современной социальной психологии и персонологии: интегративно-эклектический подход. – Минск: Белстпринт, 2000.
6. Янчук В.А. Психология постмодерна // Время как фактор изменений личности: сб. науч. трудов / под ред. А.В. Брушлинского и В.А. Поликарпова. – Минск: ЕГУ, 2003. – С. 175–201.
7. Янчук В.А. Введение в современную социальную психологию. – Минск: АСАР, 2005.
8. Янчук В.А. Постмодернистский, социокультурно-интердетерминистский диалогизм как перспектива позиционирования в предмете психологии // Методология и история психологии. – 2006. – Т. 1. – С. 193–206.
9. Янчук В.А. Постмодернистская социокультурно-интердетерминистская диалогическая перспектива метода психологического исследования // Методология и история психологии. – 2007. – Т. 2. Вып. 1. – С. 207–226.
10. Янчук В.А. Постмодернистская социокультурно-интердетерминистская диалогическая перспектива объяснения в психологии // Методология и история психологии. – 2008. – Т. 3. – Вып. 1. – С. 195–209.
11. Янчук В.А. Прогресс в понимании психологической феноменологии: социокультурно-интердетерминистская диалогическая перспектива // Прогресс в психологии: Критерии и признаки / под ред. А.Л. Журавлева, Т.Л. Марцинковской, А.В. Юревича. – М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2009. – С. 262–285.
12. Янчук В.А. Культурный фрейминг как детерминанта взаимопонимания в условиях культурного многообразия // Психологический журнал. – 2010. – № 2. – С. 41–48.
13. Янчук В.А. Публикации [электронный ресурс] точка доступа: <http://yanchukvladimir.com/>
14. Alise M.A., Teddlie C.A. Continuation of the Paradigm Wars? Prevalence Rates of Methodological Approaches Across the Social/Behavioral Sciences // Journal of Mixed Methods Research. 2010. Vol. 4 (2), pp. 103–126.
15. Bandura A. Social Foundation of Thought and Action: A Social Cognitive Theory. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1986.
16. Bandura A. Toward Psychology of Human Activity // Perspectives on Psychological Science. 2006. Vol. 1. № 2, pp. 164–179.
17. Bem, S., Looren de Jong, H. Theoretical issues in psychology: An introduction (2nd ed.). London: Sage, 2006.
18. Burrell, G., & Morgan, G. Sociological paradigms and organizational analysis. London: Heinemann, 1979.
19. Churchland, P. M. Scientific realism and the plasticity of mind. Cambridge: Cambridge University Press, 1979.
20. Chen, Xiang. “Paradigm.” Encyclopedia of Research Design. 2010. SAGE Publications. 26 Mar. 2011. <http://www.sage-e-reference.com/researchdesign/Article_n300.html>.
21. Denzin N.K., & Lincoln Y.S. (Eds.). Handbook of qualitative research. Thousand Oaks, CA: Sage, 1994.
22. Denzin N.K. Moments, Mixed Methods, and Paradigm Dialogs // Qualitative Inquiry. 2010. Vol. 16(6), pp. 419–427.
23. Donmoyer, R. Take my paradigm . . . please! The Legacy of Kuhn’s construct in educational research. // International Journal of Qualitative Studies in Education. 2006. Vol. 19, pp. 11–34.
24. Donmoyer R. Paradigm / Sage Encyclopedia of Qualitative Research Methods. – SAGE Publications, 2008, pp. 591–595.
25. Falconer D.J., & Mackay D.R. Ontological problems of pluralist research methodologies. Retrieved April 28, 2003, from http://aisel.isworld.org/article.asp?Subject_ID=31&Publication_ID=2
26. Franklin, C.W. Theoretical perspectives in social psychology. – Boston: Little, Brown and Company, 1982.
27. Gadamer, H.-G. Truth and method. J. Weinsheimer & D. Marshall, Trans. (2nd ed.). – New York: Continuum, 1989.
28. Goertzen, J.R. Dialectical pluralism: a theoretical conceptualization of pluralism in psychology. New Ideas in Psychology. 2010. Vol. 28(2), pp. 201–209.
29. Goertzen, J. R., & Smythe, W. E. Theorizing pluralism: an introduction. // New Ideas in Psychology. 2010. Vol. 28(2), pp. 199–200.
30. Guba, E. G., & Lincoln, Y. S. Competing paradigms in qualitative research. In N. K. Denzin & Y. S. Lincoln (Eds.), Handbook of qualitative research. Thousand Oaks, CA: Sage. 1994, pp. 105–117.
31. van Haaften W. The structure of paradigm change // New Ideas in Psychology, 2007. Vol. 25, pp. 207–220.
32. Healy P. Toward an integrative, pluralistic psychology: On the hermeneutico-dialogical conditions of the possibility for overcoming fragmentation // New Ideas in Psychology. 2012. Vol. 30, pp. 271–280.
33. Howe, K.R. Against the quantitative-qualitative incompatibility thesis or dogmas die hard // Educational Researcher, 1988. Vol. 17(8), pp. 10–16.
34. Howe, K.R. A critique of experimentalism. // Qualitative Inquiry. 2004. Vol. 10, pp. 42–61.
35. Kolakowski L. Positivist science. Harmondsworth, England: Penguin Books, 1972.
36. Lather, P. Getting Lost: Feminist Efforts toward a Double (d) Science. – Albany: SUNY Press. 2007.

37. Lincoln Y., Guba E. Naturalistic inquiry. Beverly Hills, CA: Sage, 1985.
38. Manicas P., & Secord P. Implications for psychology of the new philosophy of science. *American Psychologist*. 1982. Vol. 38, pp. 390-413.
39. Martin, J., & Sugarman, J. Interpreting human kinds: beginnings of a hermeneutic psychology // *Theory & Psychology*. 2001. Vol. 11(2), pp. 193-207.
40. Meiser T. Much Pain, Little Gain? Paradigm-Specific Models and Methods in Experimental Psychology // *Perspectives on Psychological Science*. 2011. Vol. 6(2), pp. 183-191.
41. Morgan D.L. Paradigms Lost and Pragmatism Regained: Methodological Implications of Combining Qualitative and Quantitative Methods // *Journal of Mixed Methods Research* 2007. Vol. 1 Number 1, pp. 48-76.
42. Nespor, J. Methodological inquiry: The uses and spaces of paradigm proliferation // *International Journal of Qualitative Studies in Education*. 2006. Vol. 19, pp. 115-128.
43. Outhwaite W. Toward a realist perspective. In G. Morgan (Ed.), *Beyond method: Strategies for social research* Beverly Hills, CA: Sage. 1983, pp. 321-330.
44. "Paradigm." *The Sage Encyclopedia of Qualitative Research Methods*. 2008. SAGE Publications. 15 Sep. 2009. <http://sage-ereference.com/research/Article_n306.html>.
45. Ranganath K.A., Spellman B.A., Joy-Gaba J.A. Cognitive "category-based induction" research and social "persuasion" research are each about what makes arguments believable: A tale of two literatures. *Perspectives on Psychological Science*. 2010. Vol. 5, pp. 115-122.
46. Smith P.B., Yanchuk V.A., etc. Individualism-collectivism and business context as predictors of behaviors in cross-national work settings: Incidence and outcomes // *International Journal of Intercultural Relations*. 2011. Vol. 2, pp. 182-201.
47. Smith P.B., Peterson M.F., Thomason S.J., Yanchuk V.A., etc. National Culture as a Moderator of the Relationship Between Managers' Use of Guidance Sources and How Well Work Events Are Handled // *Journal of Cross-Cultural Psychology* 2011. Vol. 42. Issue 6, pp. 1101-1121.
48. Smythe, W. E., & McKenzie, S. A. A vision of dialogical pluralism in psychology. *New Ideas in Psychology* / 2010/ Vol. 28(2), pp. 227-234.
49. Spence, D.P. Narrative truth and historical truth: Meaning and interpretation in psychoanalysis. - NY: Norton, 1982.
50. Sternberg, R. J., & Grigorenko, E. L. Unified psychology // *American Psychologist*. 2001. Vol. 56(12), pp. 1069-1079.
51. Teddlie C., Tashakkori A. Major issues and controversies in the use of mixed methods in the social and behavioral sciences. / In A. Tashakkori & C. Teddlie (Eds.), *Handbook of mixed-methods in social and behavioral research*. - Thousand Oaks, CA: Sage. 2003, pp. 3-50.
52. Teo, T. Ontology and scientific explanation: pluralism as an a priori condition of psychology // *New Ideas in Psychology*. 2010. Vol. 28(2), pp. 235-243.
53. Valsiner Y. Becoming Integrative in Science: Rebuilding Contemporary Psychology through Interdisciplinary and International Collaboration // *Integrative Psychological and Behavioral Science*. 2007. Vol. 41, pp. 1-5.
54. Yanchuk, S. C., & Slife, B. D. Putting it all together: toward a hermeneutic unity of psychology // *Journal of Mind and Behavior*. - 2000. - Vol. 21(3). - Pp. 315-326.